

ГЛАВА 5

БОГОСЛОВСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ЦЕРКВИ

Изначальная апостольская весть об Иисусе Христе была относительно проста. Но эта, на первый взгляд, простая весть содержала в себе великие идеи, над которыми ломали головы лучшие и самые глубокие мыслители, начиная с апостольских времен. Богословы, которые боролись с некоторыми из этих идей, часто приходили к совершенно неприемлемым для других христиан заключениям. Подобные богословские различия происходили еще во времена апостолов и продолжались целые века. Поэтому ранняя церковь и уделяла столько внимания противостояниям, развившимся из исторических различий.

Мы уже говорили о гностиках. С его отрицанием воплощения Христа, гностицизм стал угрозой единству церкви еще в апостольский период. Ученые подозревают, что вторая глава Послания к Колоссянам Павла была направлена против ереси гностиков. Большая часть Первого Послания Иоанна также отражает ошибки гностицизма: Иоанн утверждал, "что рассматривали, и *что* осязали руки наши [Христа]" (1 Ин. 1:1), и что дух антихриста пребывает во всех, кто "не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти" (4:3). Несмотря на все разоблачения и осуждение со стороны апостолов, учение гностицизма сумело продержаться на протяжении всего периода ранней церкви, хотя и подвергалось постоянным атакам и критике различных христианских писателей, среди которых был и Ириней.

Еще одним фронтом борьбы церкви стал монтанизм. Монтан, новообращенный, крещенный во Фригии в Малой Азии, начал в

156 году говорить на языках и пророчествовать; вскоре к нему присоединились две прорицательницы, Присцилла и Максимилла. С одной стороны, монтанизм представлял собой ригористичную, пророческую ветвь христианства, большинство сторонников которой были настоящие энтузиасты, стремящиеся оживить ожидание второго пришествия. Но некоторые историки склонны видеть в этом течении реакцию на продолжающуюся централизацию и распространение монархических епархий. С другой стороны, некоторые исследователи видели в нем попытку возвращения к первоначальной простоте и независимости верующих в апостольской церкви. Но сторонники монтанизма не считали себя "возвращенцами" к чему бы то ни было; они рассматривали себя как получивших "новое" духовное излияние¹. Это движение просуществовало всего лишь полвека, потому что против него выступали большинство церковных лидеров, видя в нем угрозу стабильности и порядка в церквях. Более того, они считали, что учение монтанизма подкрепляет излишний фанатизм, который мог нарушить моральную чистоту пастырей и верующих. Великий церковный деятель Северной Африки III века Тертуллиан принял монтанизм не из-за его эмоциональной настроенности, а потому что увидел в нем моральный и духовный ригоризм, которого начисто была лишена официальная церковь.

Дата праздника Пасхи сама по себе не является богословским предметом, но она спровоцировала в ранней церкви множество теологических дискуссий. Многие христиане, особенно в Малой Азии во II веке, продолжали праздновать Пасху в соответствии с еврейским календарем — в четырнадцатый день еврейского месяца Нисана, что привязывало ее к празднованию еврейской пасхи. Другие христиане считали, что Пасха должна совпадать с воскресным днем, поэтому они отмечали ее в воскресенье, следующее за 14-м днем Нисана. Тех же христиан, которые привязывали Пасху непосредственно к 14-му дню Нисана, стали называть "квартодециманианами" ("четырнадцатниками").

Волнения произошли в 120 году, когда в Риме оказалось много квартодециманиан. Они постились во время еврейской пасхи, а затем праздновали; римляне же продолжали пост до воскресенья. То, что некоторые христиане постились в то время, как другие христиане праздновали, вызвало очень неприятные чувства, недоброжелательные разговоры и, в конечном итоге, опасения за богословскую чистоту учения. Епископ Поликарп специально приехал из Смирны в Рим для обсуждения сложившейся ситуации с епископом Аникетом, но они так и не смогли достичь какого-либо конкретного компромиссного решения, кроме взаимных призывов к терпимости.

Ситуация продолжала оставаться необычайно острой вплоть до конца века, когда епископом Римским стал Виктор (годы правления 189—199), предавший анафеме за этот конфликт церкви Малой Азии. Этот эпизод представляется важным не только потому, что обсуждался такой великий праздник как Пасха, но и потому, что он высветил все возрастающую роль епископа Римского. Поликрат, епископ Ефесский, протестовал, так как, по его мнению, Виктор не имел ни права, ни власти отлучать церкви Малой Азии, потому что они крепко связаны с апостольскими традициями. Ириней Лионский, западник, имеющий малоазиатские корни, но принявший западные формы религиозной практики, также выступил против Виктора. По его мнению, у епископа Римского не было власти над церквями Малой Азии. Виктор отказался от своего отлучения, но несмотря на это в споре победила римская дата празднования Пасхи. Для определения дня Пасхи использовались различные “циклы”: 19-летний, 84-летний, 111-летний и множество других. Собор в Никее рассмотрел и этот вопрос; в результате была установлена формула подсчета дней, которой мы пользуемся и поныне: Пасха празднуется в первое воскресенье после дня весеннего равноденствия (21 марта). Однако, даже несмотря на такое решение, различия в определении дня празднования Пасхи в будущем создавали много трудностей.

На Западе в начале III века возникла новая проблема — монархианизм. Темой дискуссий стали взаимоотношения между Вечным Отцом и Его Сыном, Иисусом Христом. Некоторые мыслители того века попросту считали, что Отец и Сын — две разные фигуры в религии. Монархианцы, однако, были приверженцами монотеизма. Одна группа монархианцев была известна как сторонники усыновления, или “динамические монархианцы”. Они верили, что Иисус был просто “усыновлен” Богом, являлся “присмным” Сыном Божиим (неправильная трактовка слов Петра в Деян. 2:36: “Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса”). Слово “динамичные” произошло от греческого слова “дюнамис” — “сила”, “могущество”; “могущество” Божие сошло на Иисуса. Таким образом, в монархианизме была соблюдена единственность, исключительность Бога; сторонники этого течения не считали Иисуса Богом; они полагали, что Он — человек, которого Бог использовал в Своем божественном плане, но никак не Бог.

Вторая группа монархианцев получила название модалистов; они верили, что Бог-Отец и Бог-Сын — одно лицо. Единственное различие состоит в способе (“модусе”) их проявления. Эта точка зрения получила еще одно название, сабеллионизм, по имени одного из его вдохновителей Сабеллия. Их называли

также “патрипассионистами” (“отцестрадальцами”), потому что они считали: во время распятия Христа (страданий, страстей) Сам Отец был на кресте.

Эта идея в свою очередь у многих вызвала беспокойство в том смысле, что модалисты отрицают самостоятельное существование Христа, а это уже неприемлемо. Тертуллиан (160—220), один из выдающихся писателей, выступил против модалистического монархианизма. Он настаивал, что Бог есть Отец, Сын есть Бог. Святой Дух тоже есть Бог; но они представляют собой не трех богов, а Одного. Он указывал на необходимость понять: Бог представляет собой одну Сущность, одно Естество в трех лицах. Таким образом, он пытался утвердить уникальность каждой из трех личностей Божества; но в то же время он хотел защитить фундаментальные принципы монотеизма.

Трудности с рассмотрением взаимоотношений внутри Божества и, как следствие, вопрос о природе Христа, продолжали терзать церковь в течение следующих двух столетий. Это христологическое противостояние, как называли эти споры, были несомненно важнейшей богословской проблемой того периода.

Первым значительным противостоянием стало арианство. Оно основывалось на учении Ария (250—336), пресвитера александрийского, но впитало в себя много различных составляющих. Одной из них стало растущее соперничество между патриархиями Антиохии и Александрии, о котором говорилось в предыдущей главе. Другим важным фактором являлось развитие на востоке империи различных школ толкования Библии. Библейские чтения в Антиохии ориентировались на буквальную интерпретацию Писания, интерпретируя тексты в их историческом контексте. При таком подходе Христос рассматривался как исторический персонаж-человек. В Александрии же основным методом интерпретации являлась аллегория; такое толкование развили в предыдущем веке Пантен, Климент и Ориген. Они пытались “одухотворить” тексты Писания, так как в этом случае можно было объяснить все неудобные для них места², назвав их аллегориями. Арий же встал во главе противоположной точки зрения. Хотя он родился в Ливии, но образование получил в Антиохии, где и приобрел свое историческое мировоззрение. Затем он возглавил местную церковь в пригороде Александрии.

В 318 году епископ Александр из Александрии (313—328) впервые использовал слово “гомоусиос” (“единосущный”) при описании взаимоотношений между Сыном и Отцом. Арий обвинил его в опасной близости к Сабеллию. В противовес этой точки зрения он заявил, что только Отец является истинным Богом, а Иисус представляет собой подчиненное божество. В качестве доказательств он приводил некоторые строки Писания,

в частности, Притч. 8:22 (“Господь имел меня”*, что, по его мнению, свидетельствовало о создании Сына) и Ин. 14:28 (“Отец Мой более Меня”). Арий продолжал, так как Сын был создан, Он был создан в определенное время, а до того времени Сына не существовало. Это нашло отражение и в девизе Ария: “Было, когда не было Его”.

Александр и большая часть духовенства в Александрии считали подобную точку зрения неприемлемой. Александр созвал собор, состоявший более чем из ста епископов из Египта и Ливии. На совете Арий был предан анафеме и с несколькими своими последователями был отлучен от церкви. Было бы проблемой, если бы этот процесс ограничился только Египтом, но Арий принадлежал к антиохийской школе и на его защиту встали многие ее представители. Менее чем за два года этот богословский спор перерос в самый крупный конфликт в восточной церкви. Император Константин было очень разочарован тем, что донатизм нарушал единство церкви на Западе империи, но он надеялся, что после смерти Лициния в 324 году церковь на Востоке явит собой пример единства для разделенной Империи. И теперь тем более обескуражили его раздоры в восточной церкви. Константин решил, что этот вопрос может успешнее других разрешить собор епископов. Поэтому он обратился с призывом ко всем епископам Империи собраться в Никее летом 325 года. Это совещание стало первым в длинной череде “вселенских соборов”.

На самом деле эти соборы не были в полном смысле вселенскими; на них присутствовали приблизительно 300 епископов, только три или четыре из них представляли западную церковь. Но, без сомнения, это был самый представительный собор со времен собрания, описанного в Книге Деяний, гл. 15. Также не возникает сомнений, что призыв провести собор был вызван требованием времени, с точки зрения как богословской, так и организационной. Константин согласился оплатить все связанные с ним расходы. Император очень хотел, чтобы совещание принесло положительные результаты. Но так как Константин занимал откровенно антиарианскую позицию, то многие считали, что решения собора были predetermined заранее.

Собор продлился месяц, и все это время непрерывно обсуждался вопрос об Арии. Сразу было очевидно: целиком позиция Ария неприемлема для большинства участников, но многие епископы были готовы выработать компромиссное решение. Некоторые предлагали свои формулировки, но александрий-

* В английском переводе “создал меня” (“formed me”) — *Прим. ред.*

ские лидеры настояли на включении в окончательную формулировку символа веры слова "гомоусиос" ("единосущный"), также "Бога истинного от Бога истинного" и "рожденного, не сотворенного". Принятое решение заканчивалось анафемой всех девизов, используемых Арием, таких, как "было, когда Его не было" и других³.

Окончательный документ подписали все присутствующие, за исключением Ария и еще двоих; все трое были изгнаны. На Никейском соборе рассматривался также способ подсчета дня празднования Пасхи. По завершении собора Константин устроил для участников этого церковного форума роскошный пир, настолько роскошный, что Евсевий, знаменитый христианский историк, писал, что все это скорее напоминало чудесный сон. Для тех, кто выжил, перенеся все гонения предыдущих десятилетий, это возможно было и так. Вот как далеко продвинулась церковь за последние несколько лет.

Два месяца потребовалось епископам для того, чтобы, приняв участие в соборе, вернуться домой. Вскоре стало очевидным, что значительное число епископов поставило свои подписи под окончательным решением только из-за уважения к пожеланиям императора, но не потому, что это было их собственное мнение. Хотя арианство было официально осуждено, оно жило и многие его сторонники занимали в церковной иерархии достаточно высокое положение. Их называли полуариане, и они сформировали свою политически активную группу, поставившую перед собой задачу дискредитировать трех основных противников Ария. Не прошло и десяти лет, как им удалось добиться своего: этих троих сослали; среди них был и Афанасий (296—373), ортодоксальный лидер никейской партии, занимавший в то время пост епископа Александрийского.

Религиозная борьба продолжалась. Со смертью Константина в 337 году, согласно его желанию, Империя была поделена между тремя его сыновьями. Один из них, Констанций, унаследовавший западную часть, был убежденным арианином. В течение всего его двадцатичетырехлетнего правления (337—361) религиозная смута продолжалась, хотя и произошел значительный сдвиг в пользу никейской партии. Экстремисты из сторонников Ария с каждым днем теряли поддержку, в то время как последователи ортодоксальных позиций все шире распространяли свою точку зрения среди верующих.

К концу жизни Констанций лишился контроля над западными территориями, которые были отданы его братьям; в очередной раз империя была раздроблена. После смерти Констанция в 361 году власть захватил его племянник Юлиан, последний представитель рода Константина. Новый император рос как

христианин, но в молодости обратился в язычество. Его часто называют Юлиан Отступник. В течение двух лет своего правления (361—363) он пытался реставрировать язычество. При этом он попытался скопировать церковную организационную систему и практически целиком перенести ее на язычество: там тоже должны были быть епископы, архиепископы и т.д. Однако это было нереально. Как религия, претендующая на истинность, язычество уже умерло, но Юлиан никак не хотел этого понять. Он был своего рода анахронизмом IV века и с его смертью в сражении с персами в 363 году окончательно перестало существовать и язычество.

Юлиана сменили два императора. Император Валентиниан (364—375) был никейцем, но он отдал власть над восточной половиной империи своему брату Валенту, стороннику Ария. После гибели Валента в битве с готами в 378 году, власть унаследовал Феодосий, военачальник из Иберии (современная Испания), по своим взглядам принадлежавший к никейской партии. Феодосия постоянно тревожили богословские споры на Востоке, поэтому в 381 году он созвал очередной вселенский собор в Константинополе.

В повестке дня этого собора были четыре основных пункта. Во-первых, этот собор подтвердил символ веры, выработанный в Никее. Это уже был настоящий конец арианства на востоке империи. Вторым вопросом стояло обсуждение македонизма. Движение, получившее свое название по имени Македония, епископа Константинопольского, 352—362, относило к Святому Духу все то, что ариане говорили про Иисуса Христа, и о подчиненной божественности, и о сотворении. Иногда последователей этого учения называли “пневматомахи” — противники и борцы против Святого Духа. В решении никейского форума добавили еще один пункт: Святой Дух исходит от Отца, поэтому Дух — больше, чем подчиненное божество, хотя эта фраза все равно оставалась двусмысленной. В восточной части Империи верили, что Дух исходит от Отца “через Сына”, а на Западе господствовала иная точка зрения: Дух исходит “от Отца и Сына”. В восточной позиции присутствовал какой-то намек на иерархию, когда в западном представлении и Отец, и Сын совершенно равны. Впоследствии на этой фразе западных богословов “и Сын” возникает новое противостояние — *filioque* (лат. “и Сына”). В Константинополе тридцать шесть епископов — македонянцев покинули собор после того, как их позиция была осуждена.

Третьим вопросом в повестке дня Константинопольского собора стояло аполлинарианство. Аполлинарий (310—390) был убежденным антиарианином и хотел особо выделить, что Иисус

является всецело Богом. Фактически он отрицал вторую часть учения: Иисус всецело человек. Он верил, что Сын не может меняться, поэтому Он не обладает человеческим духом и человеческой душой. Наиболее ортодоксальные представители церкви немедленно отреагировали на это утверждение, заявив, что если бы это было истинно, то тогда невозможно было бы полное воплощение Христа. Они указывали: все, что Сын не мог претворить, Он не мог и искупить, а следовательно и распятие ничего не значит. Поэтому собор осудил также и аполлинарианство.

Четвертый пункт повестки дня не имел ничего общего с этими христологическими спорами, но отражал постоянную борьбу за первенство среди церквей. Одно из постановлений Собора гласило: епископ Константинопольский первенствовал после епископа Римского, поскольку Константинополь был Новым Римом. Это постановление имело огромное политическое значение: за Константинополем признавалась власть на Востоке, что выводило из спора за первенство патриархии Александрии и Антиохии; политическая подоплека этого постановления состояла в том, что Константинополь стал новой столицей Империи после того, как был построен Константином в 330 году. И именно с этого времени Константинополь, а не Рим считался столицей объединенной Империи. Рим по-прежнему считался городом, где была основана Империя, и поэтому за ним безоговорочно признавалось первенство чести. Константинополь в сознании людей всегда был вторым городом. Следовательно, если Римскому епископу всегда оказывались первые почести в церкви, то епископ Константинопольский занимал второе место. Значение этого решения не просто в защите прав епископа Константинопольского от возможных посягательств на его положение в церковной иерархии; здесь просматривается гораздо более глубокий подтекст: политический престиж города увязывался с духовным его лидером. Более поздние защитники папского главенства использовали это решение Константинопольского собора для доказательства первенства Рима еще в ранней церкви; противники этой теории указывали, что по природе своей подобное первенство представляет скорее политический факт и Рим получил его только благодаря тому, что являлся первой столицей Империи. Следовательно, этот примат не имеет ничего общего с первенством наследования Петру; это только признание в орбите светской политики IV века.

Несмотря на принятые Собором решения, мира среди христиан не наступило. По-прежнему оставалось множество богословских затруднений, которые в Константинополе вообще не рассматривались, и по-прежнему между тремя восточными пат-

риархиями шла упорная борьба за духовное верховенство. По крайней мере два вопроса не только не были разрешены, но еще больше запутаны. Каждый город старался победить в споре за лидерство и власть, защищая свое излюбленное богословское течение. И было очевидно, что богословские конфликты будут продолжаться и углубляться.

Если на Востоке продолжались указанные выше споры, то на Западе также существовал ряд своих спорных тем. Все они представлены в жизни Августина (354—430). Родившийся в Северной Африке в семье язычника и христианки одаренный юноша с детства целиком посвятил себя поискам мудрости и изучению философии. Вначале он изучал манихейство, затем философию неоплатонизма. В 30 лет он перебрался в Милан, где услышал проповеди великого местного епископа Амвросия. Окончательно обратившись в христианство, Августин вернулся к себе домой, в Северную Африку и вскоре занял ведущее положение в церкви, даже несмотря на то, что она была расположена далеко не в лучшем месте, в 130 километрах от Карфагена, в городе под названием Гиппон (Hippo Regius). Как епископу ему пришлось принять участие в решении проблем донатистов, и роль, которую он сыграл в этом конфликте на важном африканском соборе в 411 году, способствовала скорому прекращению деятельности сторонников Доната.

Другим камнем преткновения в начале V века стало учение британского монаха Пелагия (?—419). Пелагий в течений десяти или двадцати лет жил в Риме. Он считал, что в вечном городе моральные устои непрочны, а атмосфера скандальна, что здесь недостаточно говорится об ответственности человека за его образ жизни. Причину этого Пелагий видел в учении о первородном грехе. Согласно этой доктрине, грех является наследием Адама, а человеческая природа настолько греховна, что не может подчиняться Божиим заповедям. Пелагий хотел встряхнуть эту моральную вялость, но в конце концов он создал свое собственное нравственное учение, в котором подчеркивалось, что человек может жить безгрешной жизнью.

Августин выступил против этого учения, особо указав на наследственную природу первородного греха, всеобщую человеческую распущенность и на предопределение. В предыдущие полтора века крещение младенцев стало обычным делом, и Августин справедливо заметил, что крещение младенцев можно использовать как аргумент в пользу непреодолимого бремени первородного греха. Ведь крестить младенца имело смысл только, если на нем уже лежал грех. Вообще, Августин оказал огромное влияние на богословие не только V века, но и на ученых более позднего времени. Его авторитет в церкви был настолько велик,

что он влиял на богословские споры больше, чем какой-либо другой писатель, кроме апостолов. Идеи первородного греха, человеческой порочности, предопределения, младенческого крещения и необходимость для человека ожидать Божией благодати, — влияние всего этого на раннюю церковь, да и на все церковное развитие вплоть до наших дней невозможно переоценить.

Между тем на Востоке вспыхнул новый христологический конфликт, который достиг апогея, когда епископом Александрийским стал Кирилл (412—444), а главой Константинопольской епархии — Несторий (428—431). Несторий родился в Антиохии, где и познакомился с историческим методом интерпретации Библии и с идеей тщательного охранения человечности Христа. Таким образом, он всячески подчеркивал человеческую природу Иисуса в ущерб Его божественности. Искрой, которая зажгла пожар этой дискуссии, стало использование названия “Феотокос” (буквально “Богородица” или “Матерь Божия”) по отношению к Марии. Несторий же стоял за применение другого термина, “Христотокос”, (буквально “Христородица”). Более того, он вообще отрицал правомерность употребления слова “Бог” по отношению к двух- или трехмесячному ребенку.

В основе учения Нестория лежала идея о двух отдельных личностях в воплощенном Христе — человеческой и божественной. Эти две личности оставались различными в своем “союзе” в Иисусе из Назарета. Несторий считал, что александрийские теологи неправильно выделяют божественность Христа, что и подчеркнул словом “феотокос”. Хотя основные споры разгорелись вокруг использования этого термина, основой конфликта послужило убеждение Нестория о двух личностях исторического Христа.

В результате император Восточной империи Феодосий II (408—450) созвал еще один вселенский собор, третий по счету, в Ефесе в 431 году. И хотя александрийские епископы настойчиво призывали всех прибыть на этот собор, Несторий отказался приехать в Ефес. Кирилл Александрийский зачитал постановление, принятое относительно единства двух личностей в Христе, которое одобрил весь собор. Но 43 епископа из Антиохии и окрестностей еще не прибыли, поэтому, когда голосовали о принятии решения по поводу Нестория, все 198 собравшихся проголосовали против константинопольского епископа. Император низложил его и выслал.

Так как Несторий был епископом Константинопольским и в то же время учеником Антиохийской школы, Кирилл понимал, что решение в Ефесе поставило Александрию над двумя другими городами. Торжествуя, он перестал выбирать выражения в своих

заявлениях. Его высказывание о двух природах Христа оскорбило даже его сторонников, поэтому ему пришлось добавить, что хотя абстрактно он может представить себе две природы, соединенные во Христе, но в Воплощенном Господе существует после этого союза только одна природа. Евтихий, монастырский деятель из Константинополя, извлек из забвения слово “монофизис” (“одна природа”) и, благодаря его работам, оно стало очень популярным. Евтихианство, как стало называться это движение, имеет другое название — монофизитство. Это движение имело очень много общего с аполлинарианством, только вместо понятия “одна душа” использовалось понятие “одна природа”. Но ортодоксы выдвинули те же возражения: Христос не мог искупить то, что Он не принял. Человек, по определению, обладает человеческой природой, и, если бы Христос не обладал этой природой, то Он никоим образом не может являться образцом для человечества.

Чтобы разрешить вновь возникшие противоречия, император Феодосий созвал очередной собор в Ефесе в 449 г. Кирилл умер несколькими годами раньше, и его сменил Диоскор (444—454), его племянник. Он был еще более радикальных взглядов, чем его предшественник. На собор он привел с собой много монахов, которые создавали видимость поддержки уличной толпы. Епископ Константинопольский Флавий был избит египетской делегацией и от полученных побоев через три дня скончался. Епископ Римский Лев I (440—461) прислал письменное послание, в котором высказывал свою точку зрения по этому вопросу, но его даже не зачитали. Собор попросту заклеил позицию монофизитов. Лев I позднее называл это собрание не Собором, а “разбойничьей сходкой”.

На следующий год император Феодосий погиб, упав с лошади. После его смерти к власти пришел Маркиан (450—457). Феодосий поддерживал александрийскую группировку, тогда как Маркиан твердо стоял на ортодоксальных позициях. В результате был созван еще один собор, на этот раз в Халкидоне, в 451 году. И хотя высказывались мнения о необходимости созыва собора в Никее, но Маркиан выступил за более близкое место его проведения, чтобы он мог оказывать на него влияние. Ему не хотелось повторения ефесских беспорядков. Халкидон находился как раз напротив Константинополя через пролив Босфор. В нем участвовало более пятисот епископов, и он стал самым широким собранием за всю историю ранней церкви. С самого начала своей работы Собор обвинил Диоскора и некоторых его сторонников, обладавших властью, и низложил их.

Халкидонский собор совершенно ясно и недвусмысленно обвинил монофизитов. У всех четырех вселенских соборов была одна общая проблема: будучи последовательны в своем стремле-

нии заклеить ересь, они не предлагали никакого позитивного объяснения истинного учения о природе Христа. Часто противостояние заканчивалось полной поляризацией мнений и крайностями; так произошло и на этот раз. В учении о природе Христа имеются два полюса: Его человечность и Его божественность. Основная трудность заключалась в попытке удержать эти два полюса в более или менее равновесном состоянии, не дав какой-нибудь точке зрения добиться перевеса. Ариане слишком подчеркивали подчиненную природу Христа, что принижало Его божественность. В свою очередь, сторонники Аполлинария сводили на нет Его человеческую природу. Несториане виновны в дальнейшем принижении Его божественности, на что монофизиты немедленно отреагировали, отказав Иисусу в человечности. Было совсем не сложно обвинять друг друга в ошибках; но что же на самом деле представляла собой природа Христа?

Помните, послание епископа Льва⁴ было проигнорировано Ефесским собором в 449 году? На этот раз оно было зачитано перед всем собранием. Лев осуждал и несториан, и сторонников монофизитства. Проще говоря, его послание сводилось к трем основным пунктам: 1. Иисус на 100% Бог. 2. Иисус на 100% человек. 3. Между этими двумя положениями нет никаких противоречий. Все предельно ясно: истинный Бог; истинный человек; союз.

Эти четыре первых Вселенских Собора были чрезвычайно важны для богословия ранней церкви. Хотя христологические противостояния время от времени вспыхивали с новой силой, основные, базовые принципы были все-таки выработаны. Наконец было достигнуто соглашение, что природа Христа представляет собой не имеющий строгого определения союз божественности и человечности. Решения Халкидонского Собора закрепили ранее достигнутое согласие о природе Троицы и природе Христа. Эти решения стали и остаются до сих пор богословской ортодоксией.

Но точно как арианство не умерло после осуждения на Никейском соборе, так и монофизитство продолжало существовать после Халкидонского собора. Это течение было так укоренено в некоторых восточных церквях, что оно выжило и давало о себе знать на протяжении нескольких веков. Более того, три довольно значительные географические зоны на востоке стали в основном монофизитскими: Египет, Сирия и Армения (северо-восточная часть Малой Азии). В течение века монофизитство заняло настолько прочные позиции, что эти регионы перестали подчиняться другим, более ортодоксальным, греко-говорящим регионам Империи. И когда в VII веке на эти территории со стороны Аравии вошли мусульмане, то монофизи-

ты предпочли подчиниться власти ислама, а не греческих ортодоксов.

Послание Льва ярко осветило значение Халкидона. Вместо того, чтобы решать какие-либо абстрактные богословские вопросы по поводу уникального смешения, которое являет собой природа Христа, Лев всего лишь заявил: "Это именно так!" и принял это. Восток в течение многих веков пытался на философском языке объяснить, что же представляет собой Воплощение. Лев даже не пытался этого сделать. Этот неодинаковый подход отразил растущие различия между восточной и западной частями Римской империи. Восток проявил себя более созерцательным, склонным к философским теоретизированиям, основанным на греческой философии. Запад же был более практичен, он впитал в себя и отразил даже в сугубо духовной сфере римские успехи в технике и военном деле. Возможно, это не простое совпадение, что пока на Востоке шли схватки с монофизитами по довольно абстрактному вопросу о природе Христа, на Западе развернулся спор с пелагианством, сторонников и противников которого, как известно, беспокоила повседневная жизнь человека. Эти различия между Востоком и Западом с течением времени все более углублялись, пока в конце концов не привели к первому великому расколу христианского мира.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ 5

Hefele Ch. J. *A History of the Councils of the Church*. — Edinburgh: T. & T. Clark. — 1872—1896.

Пяти томный труд католического ученого о первых семи соборах (до 787 года); самое полное исследование подобного рода на английском языке.

Jedin H. *Ecumenical Councils of the Catholic Church: An Historical Survey*. — N.Y.: Herder & Herder. — 1960.

Краткий обзор соборов от Никейского до Первого Ватиканского.

Kelly J.N.D. *Early Christian Doctrines*. — N.Y.: Harper & Row. — 1960.

Очерк развития христианского учения в первые пять веков, в том числе христологических споров. Содержит важные источники и интересные оценки.

Sellers R.V. *The Council of Chalcedon: An Historical and Doctrinal Survey*. — L.: S.P.C.K. — 1961.

Исчерпывающее и доступное исследование Халкидонского собора.

Stevenson J. (ed.) *Creeds, Councils, and Controversies: Documents Illustrative of the History of the Church, A.D. 337—461*. — L.: S.P.C.K. — 1966.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Согласны ли вы с тем, что Пасха должна привязываться к лунному циклу, или вы считаете, что ее надо праздновать в определенное воскресенье каждого года (как, например, День благодарения отмечается каждый год в четвертый четверг ноября)? Должны ли мы этот праздник называть Пасхой или Воскресением Христовым?
2. Как вы считаете, по важному ли поводу разгорались христологические споры, или они были просто богословским теоретическим изыском, не представляющим особого значения?
3. Изучите учение о Христе, даваемое Свидетелями Иеговы, и сравните его с учением Ария.
4. Если Мария является матерью Иисуса, и если Божество состоит из Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа, то почему Мария не может быть признана как "Мать Бога"?
5. Сделайте письменный анализ того, до какой степени первые четыре века отражали основные направления политического давления на церковь и манипуляций.
6. Некоторые ученые утверждают, что все богословские проблемы ранней восточной церкви являются умозерцательными (вопрос о Троице и о природе Христа), в то время как на Западе решались более практические вопросы (дискуссии об организации и природе церкви и о природе человека). Проведите дополнительные самостоятельные исследования и дайте оценку справедливости подобной позиции.
7. Составьте список христологических разногласий, указывая, по возможности, их сходства и различия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Краткий анализ монотизма как возврата к прошлому или нововведения см. Wand J.M.C. "A History of the Early Church to A.D. 500". — L.: Methuen and Co., Ltd. — 1965. — P. 60.

2. "Неудобные", скорее "нежелательные" потому, что буквальное рассмотрение и трактовка данных текстов Писания могло оказаться слишком вульгарным для утонченной греческой культуры.

3. Никейские решения и анафемы можно найти в Schaff, I.

4. Более древние исторические книги часто называют этот документ "Книгой Льва". Это название вызывает представление о чем-то тяжеловесном и претенциозном. На самом деле письмо состоит всего из нескольких страниц. Но студенты должны быть знакомы со старым названием.

5. Письмо Льва опубликовано в Barro, I. Решения Халкидонского собора — в Schaff, II.